

Лицей

Лицом к современности

Гастроли Ленинградского Большого драматического театра

Наблюдая за развитием современной темы в советской драматургии, замечаешь, что авторы, взявшиеся за исследование острейших, наиболее проблем нынешнего дня, чаще всего одерживают победу отнюдь не только за счет дотошного правдоподобия. Очевидно, помня слова поэта, что «театр — это не отражающее зеркало, а увеличительное стекло», драматурги театра и кино все чаще отталкиваются от маловероятной коллизии, некоего «если бы» — с тем, чтобы увеличить меру обобщения, чтобы частная история обернулась бы грустком проблем.

В начале этой все более заметной тенденции был, пожалуй, сценарий А. Гельмана «Премия» и его же пьеса «Протокол одного заседания»: согласился, в жизни не так уж часто случается, чтобы вся бригада отказалась от премии. Допущение «если бы» положено в основу отмеченного Государственной премией СССР грузинского фильма «Голубые горы, или Неправдоподобная история». Показательно, что примерно такой же самый подзаголовок — «Невероятное происшествие» — носит пьеса В. Дозорцева «Последний посетитель», чье сценическое воплощение показал нам гастролирующий в Вильнюсе Ленинградский Большой драматический театр.

Маловероятен здесь, впрочем, только самый исходный факт: в приемную заместителя министра приходит неназванный Посетитель — с тем, чтобы сделать высокопоставленному лицу странное предложение: освободить свое место... Интригующее, даже поразжающее в легкое недоумение начало, таким образом, властно завладевает вниманием и воображением зрителя. Благодаря мастерству постановщика спектакля Г. Товстоногова вскоре вообще переставешь терзаться «детскими» домыслами; с житейской точки зрения маловероятная ситуация воспринимается уже как данность, ибо она позволяет развернуть на сцене острейший, непримиримый диалог о том, что наболело у каждого, сидящего в зрительном зале.

Посетитель, каким его играет актер А. Толубеев, вполне мог бы выйти из того же зрительного зала. В нем нет решительно ничего от воплощенного «гласа совести» (хотя некоторые места в тексте — скажем, намеки на второе «я» замминистра, давали возможность и такой облегченной трактовки). Он достоин, узнаваем в каждом своем жесте и интонации. И все-таки есть некое «но», позволяющее считать Посетителя не только одним из нас, но и как бы ожившей квинтэссенцией всего того лучшего, что есть

в каждом из нас: в борьбе за правду, за восстановление поправной было веры ему неведом страх. Самим своим бурным существованием в спектакле Посетитель А. Толубеева вселяет надежду, задевает за живое, ибо апеллирует к тем не всегда, возможно, реализованным потенциалам активного строителя — не только члена общества, что существуют в каждом.

Этот Посетитель поднял «дело» пятилетней давности, связанное с этической нечистотностью в среде медиков, с процветающим там карьеризмом, вскрыл внутренние пружины тайного механизма зажима критики, с болью поведал о человеческих судьбах, исковерканных другими на их пути к власти. Но спектакль никоим образом не сводится к конкретному разговору о злоупотреблении в сфере здравоохранения: это уже в компетенции не театрального искусства, а других инстанций. И замминистра Казмина, обладая той же, в общих чертах, биографией, вполне мог бы занимать кресло и в другом министерстве...

Биография эта сложна, как непроста порою бывает и сама правда. Вершишь в былые заслуги Казмина, в его самоотверженный труд, его до поры до времени ничем не замутненную человечность. Достоинство игры К. Лаврова прежде всего в том, что он играет личность, человека сильного, масштабного и в своих добрых делах, и в совершенном им зле. Как уловить эту грань, когда Казмин, ведя отчаянную борьбу за учреждение действительно необходимого научного центра, впервые поскользнулся, согласился на беззаконие, наспех оправдываемое «объективными обстоятельствами»? Грань компромисса, морального падения, как предостерегает спектакль, чрезвычайно тонка и подвижна, одна уступка ведет за собой неизбежную цепочку других, более глубоких отречений от своей сущности, своего дела. И вот карусель завертелась, в игру пошли профессиональные «устроители» дела, доморощенные искусители, которые «бывали во все времена», неподобие помощника замминистра Ермакова, сыгранного актером А. Романцовым с уничтожающей иронией. Основной мотив деятельности — человек — нечистоту забыть, его заменяют демагогически преподносимые понятия «люди», «дела». Падение тем более страшно, что оно под покровом добропорядочности и признания не видно не только со стороны, но, пожалуй, даже самому погрязшему в самообмане человеку, пока вот не нагрянет к нему такой Посетитель.

Образ Казмина в чем-то явно перекликается с главным героем другого спектакля гостей — «Кафедрой» В. Врубле-

ской — заведующим кафедрой Брызгаловым, чью роль в несколько гротескной, отличной от общего социально-психологического климата спектакля манере ведет актер О. Басилашвили. Здесь — к сожалению, только под занавес — нам тоже дают понять, что Брызгалов отнюдь не всегда так умирно барахтался в волнах академической, но и какой-то периферийной по своей сути самостоятельной коррупции. Называется даже точка отсчета его падения — брак по расчету. Увы, на новые рубежи осмысления героя как явления эта информация нас уже не выводит. Брызгалов так и остается «мелким бесом» на уровне Ермакова из «Последнего посетителя». Возможно, это просчет режиссера М. Резникова, может, и драматурга тоже, но проблема конъюнктурного приспособленчества здесь часто рассматривается лишь на уровне вполне житейской истории. А главное — такой слегка юродствующий Брызгалов, которого мы увидели, — и не страшен, и не трагичен, просто мелок для того уровня анализа наиболее проблем, к которому нас сегодня призвала партия.

Сравнивая оба спектакля, приходишь к выводу, что и в пьесе В. Дозорцева встречаются просчеты, скажем, ее определенная монотонность, выход на второй и даже на третий круг той самой, уже испытанной, системы доказательств. Однако налицо тот значительный путь, который пройден театром всего за три года, разделяющие оба спектакля, путь, отмеченный стремлением к гораздо более высокому уровню правды в разработке современной темы. Налицо самоотверженная работа театра над самой пьесой В. Дозорцева, в итоге давшая спектакль, весьма строгий по мысли и стилю, доказавший, что в самой откровенной публицистике таятся и возможности большого эмоционального воздействия.

Главный секрет здесь, пожалуй, тот, что Г. Товстоногов и К. Лавров признали за героем вину, но не побоялись окрасить ее в трагические тона. Когда последний посетитель наконец уходит, к нам приближается увеличенное изображение Ильича. Стоя под этим строгим взглядом на авансцене, Казмин — Г. Лавров медленно, с достоинством, рвет свое министерское расписание дел на завтра, и это равно столь редко на современной сцене встречаемому катарсису. Высокая патетика эпизода оказывается как нельзя более созвучной настрою общественного обновления, проходящего в наше время, она оправдывает посвящение спектакля «Последний посетитель» XXVII съезду КПСС.

С. МАЦАЙТИС.